АНАНЬЕВА НАТАЛЬЯ

Пропавшая без вести

Призраки маленького городка

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

(18+)

Наталья Юрьевна Ананьева

Пропавшая без вести. Призраки маленького городка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67742570
«Пропавшая без вести. Призраки маленького городка.»: [детективный роман]/Ананьева Наталья Юрьевна: 1000 добрых страниц»; Красноярск; 2022

Аннотация

Книга написана на основе материалов обозревательной прессы о фактах исчезновения рыжеволосых девушек в 1978–2001 гг в С.Ш.А.

Затерянный среди тайги сонный городок, прохладный майский вечер, сумерки. Внезапная пропажа девушки на фоне давно забытых исчезновений из прошлого будоражит жителей и не даёт покоя психиатру и представителю народной прессы – Покровскому. Из-за попустительства властей Покровский в прошлом сам потерял дочь, и теперь решает бросить вызов местной полиции и неопределенности.

Всплывшая на поверхность загадка из прошлого и череда новых событий проливают свет на эту тайну, а также на секретную от всех личную жизнь тех, кто к ней прикоснулся. Частные

поиски приоткроют завесу личной жизни героев и докажут, что исчезновение было совсем неслучайным.

Что на самом деле случилось с тихой рыжеволосой девушкой и при чем здесь портретные фотографии, на которых изображены девушки 30 лет тому назад?

Содержание

Часть 1 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 20
Часть 2. Дневник «Монашки» 27
Глава 1 27
Глава 2 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Ананьева Наталья Пропавшая без вести. Призраки маленького городка

Как я уже говорила, исчезновения случаются, боль пропадает, кровь перестаёт идти, а люди просто уходят.

Я многое могу сказать, но я исчезла.

Анатомия страсти / Анатомия Грей (Grey's Anatomy)

Ничто не исчезает бесследно.
Хорошо это или плохо,
но ничто не может быть полностью забыто.
Что-то всегда остается в сердцах людей.
А то, что хранится в чьей-либо памяти,
никогда не исчезнет.

Обитель ангелов (Angel Sanctuary)

Ежегодно в России без вести пропадает много людей, – ими можно было бы населить целый небольшой городок, типа Дедовска.

© Ананьева Наталья Юрьевна

Часть 1
Сумерки городских кварталов

Глава 1

12 мая, в шесть часов вечера, когда маршрутка № 52 полная до отказа возвращалась после очередного круга по окраинам Кишенёва, случилось кое-что необычное.

Прохладный, но ласковый майский ветер трепал челку Марго и старательно выбрасывал пряди ее рыжих волос из тугого пучка, собранного на затылке. Последние же изо всех сил сопротивлялись и старались сохранить первоначальную форму, заданную строгой рукой своей хозяйки. Шумели беспокойные листья деревьев, перемешиваясь со сбивчивыми трелями таких же непоседливых птиц. Май во всей своей красе дышал полной грудью, жил в каждом дуновении ветра, в каждом цветке, в прохладе разбегающегося по сторонам озера у дома, в каждом задумчивом лице встретившегося прохожего.

«С самого рождения я чувствовала себя чужой и из другого места. Я испытывала чувства и эмоции, которые недоступны окружающим. Мои глаза видели глубже, чем поверхность форм и одежды. Я видела вещи, которые люди обычно

не замечали. У меня врожденный дар интуиции, и я с детства имею способность помогать людям. Никто вокруг не понимает меня. Но в этом нет ничего удивительного, ведь мы сами часто себя не понимаем, тогда что говорить про других. Со временем я приняла этот факт за норму и перестала обращать на него внимание. Жаль, но для этого мне потребовалось примерно 10 000 дней со дня моего рождения.

В юные годы, когда я более чутко воспринимала окружающий мир, отец дал мне совет, к которому я обращалась в течении всей жизни. «Если когда-нибудь ты почувствуешь к себе жестокость – сказал он – вспомни, что далеко не все люди обладают твоими талантами, дарованными тебе при рождении. Не тебе судить их». И я не сужу. Никогда и никого. Тем более в этом нет никакого смысла.

Еще он говорил о том, что умного человека невозможно обидеть: на правду не обижаются, а ложь не стоит внимания.

Наверно, в детстве я была глупым ребенком потому, что до сих пор не разобралась со своей жизнью и до сих пор не знаю как со всем этим жить. Когда мне было пять я думала, что в двадцать у меня будут дети и муж, а я сама стану самостоятельной и взрослой. Сейчас мне двадцать пять, у меня нет детей и мужа, и мне все еще хочется иногда заплакать и закричать: «МА-МА!». Да. Я была глупым ребенком.

Поэтому, как цветок не решает, какого цвета он будет, где и когда вырастет, так и я не решала, какого цвета будут мои глаза и волосы и кем я стану сейчас. Это – мой мир. Это – я.

Марго шла неторопливыми шагами, голова была «как всегда, где-то», а на ее лице отражались сосредоточенность и занятость мыслей. Ее не оставляло в покое беспокойное, беглое чувство, что за ней все это время кто-то наблюдает. От этого становилось не по себе, и Маргарита постоянно оборачивалась. Внезапно блуждающий взгляд зацепился за что-то острое, заставил ее замедлиться и остановиться. «Этого не может быть!» – прозвучала внезапная мысль в голове Маргариты. Зеленое, свободного кроя летнее платье из шифона с легкостью струилось по фигуре Маргариты и покорно сбивалось в широкие воланы у ее колен. Ветер застенчиво заигрывал со сборками ее платья, слегка колыхал их в разные стороны от остановившегося на остановке автобуса, выдавая красиво отливающую на солнце текстуру ткани. Спадали у виска непринужденной волной локоны, сосредоточенные и некогда не улыбающиеся глаза смотрели в даль.

Автобус 52-го маршрута, тяжело пропыхтев, тронулся, с ревом мотора устремился вперед. Через мгновение он превратился в шумящую вдали коробочку на больших колесиках, а после и вовсе растворился за поворотом.

Марго устремилась рассматривающим взглядом вдаль, бегло перебирая в руках ручки маленькой замшевой сумки, и, отпустив для себя пару-тройку минут на размышление, решилась свернуть за поворот, уводящий ее в противоположную сторону от ее дома. Пустые, безлюдные дворы бросали пугающие тени и таили в себе неприятности.

После пришел еще один автобус. Потом еще один и еще. Марго все не возвращалась обратно. Остановка общественного транспорта в час пик задыхалась от потока желающих уехать. Она, подобно расторопной кровеносной артерии, моментально наполнялась пассажирами и работала на повышенных оборотах. Пешеходы крутились вихрем юлы на остановке, толкались локтями, ворчали на подножках подъехавшего общественного транспорта. Автобус качался под натиском раздосадованных ожиданием пассажиров и то и дело просаживался на пружинах вверх-вниз, пыхтел и уезжал, освобождая место для следующего. Городские автобусы спешили на посадку и менялись местами, шипели и грелись в лучах ласкового мая, пока не затихли в объятиях уютных надвигающихся сумерек, внезапно заставших врасплох опоздавших к последним рейсам пассажиров. В этот день Маргарита больше не вернулась домой. Суета городских кварталов захлебнулась закатом и затихла. Город уснул.

Глава 2

Два года спустя. То ли дождь, то ли стук в дверь запоздалого спутника барабанил все прошлое утро, падал на чистую пожелтевшую листву весь прошлый день, стучал по крыше тяжелыми каплями и бился о скользкое оконное стекло, беспомощно скатываясь по нему к мокрому карнизу весь прошлый вечер. Сгустившиеся сумерки подчинили своей воле ускользающие дневные тени минувшего осеннего дня и тяжелым, мокрым, темным сгустком нависли над городом, торжествуя над ним в своей слепой власти.

Тук, тук, тук.

– Да….

Усталый мужской голос в полночной тишине дома прорезал умиротворенный покой. Мужчина едва не разбудил уютно спящую рядом супругу.

Тук, тук, тук.

Потирая затекшие ноги, кряхтя, присаживаясь на край смятой кровати, Матвей Петрович Головин – мужчина средних лет и отличного телосложения, в прошлом офицер по должности и внутреннему призванию – торопился на ночной стук.

Наспех закутавшись в теплый халат, сшитый бережными руками заботливой супруги, благодаря офицерской выправке, спустя одно мгновение он уже спускался к тяжелой скри-

пучей входной двери. Матвей Петрович, он же «Мапет» – так когда-то называли его в шутку товарищи по службе, был в прошлом первоклассным оперативным работником.

Им были раскрыты самые громкие дела. На погонах друга-одноклассника, который перевел его к себе в отделение, вскоре заблестели две горящие позолоченным блеском отличницы – звезды подполковника. Максим Петрович был лучшим по службе, внимательным и отзывчивым соседом, верным и преданным другом и, конечно, заботливым мужем. Его фотография много лет подряд Его ставили в пример молодежи, писали хорошие рапорты, а сам он то и дело получал путевки в санаторий за вредность, ну и премиальные, конечно.

– Добрый вечер, – неброско сказал Мапет, простым и неназойливым взглядом оглядев стоящего напротив и промокшего до последней нитки мужчину лет пятидесяти с засученными по локоть рукавами белой рубашки, скрывающими таким образом мокрую дорожную грязь. С его челки расторопный дождик проложил дорогу и, на правах хозяина возникшего положения, торопливо и настойчиво капал прямо за шиворот.

– Ну и ночка выдалась. Не правда ли? Я, Михаил, из газеты «Народный вестник». Я только с поезда. С вами должны были связаться из нашей редакции.

– Я, журналист.

– Проходите, чего стоять на пороге.

Дом Матвея Петровича был ведомственной квартирой, привыкшей встречать то офицеров по распределению, то приехавших в город на время делегации, то вот… командирующихся. Михаил снял с носа запотевшие очки, прищурил глаза, оглянулся и, протерев краем мокрого пальто окуляры, принялся вместе с чемоданом размещаться на новом месте.

– Вот, здесь кровать, там полотенце. Чай не предлагаю, простите. Спал очень плохо. Бессонница, мать ее за ногу. Кухня внизу, все удобства там же.

– Мне кажется, или вы и есть тот самый Матвей Петрович Головин – отставной офицер, двадцать восемь лет на службе МВД в оперативном? Это, кажется, вы занимались делом о пропаже рыжеволосых девушек, которое гремело в девяностых в Кишиневе? Я изучал это дело.

Матвей Петрович неохотно отрезал внезапно возникший разговор:

– Давайте до утра оставим все разговоры. Располагайтесь.

Ночные шорохи вскоре затихли, отпуская на волю уставших от дневной суматохи людей и их запутанные в долгой дороге, в осенней непогоде и в бессоннице, тягучие и провальные сны.

Раннее утро усталых мужчин случилось только к обеду. На стенах в гостиной, в коридоре вдоль лестницы на второй этаж, а также, как оказалось, и во всем остальном доме красовались большие и маленькие медальоны-косули, сделанные талантливой рукой охотника, выделанные с особым тер-

пением и достоинством.

– Увлекаетесь? – спросил Михаил сонного Матвея Петровича, спускающегося вниз.

– Да, слабость, – коротко, но по существу ответил тот, сонно почесывая затылок и доставая из холодильника пачку холодного молока.

Стал вкрадчиво закипать сонный чайник, начала отчаянно потрескивать в сковороде полюбившаяся своей простотой еда на завтрак любого мужчины в отсутствие его женщины – глазунья с репчатым луком. Супруга Мапета – Наденька, в отличие от любимого мужа, не имела на работе повышенной вредности и, как следствие, ранней пенсии.

Поэтому каждые два дня (по графика 2/2) она ходила с утра на работу в почтовое отделение, расположенное за углом ее дома, работать оператором почтовой связи.

– Наверно, вы спросите, что я делаю в этом городе? – Михаил опередил вопросительный взгляд Мапета и вступил раньше его инициативы.

– Конечно. Если вас не затруднит.

– Я, журналист, Михаил Степанович Покровский.

– Не походите, – вспыхнул своей внезапной улыбкой Матвей Петрович, перебив вступление своего собеседника.

Вопросительный взгляд Михаила донесся до старого оперативника и заставил продолжить его внезапно начатое замечание.

– Обходительный больно. Ваш брат-журналист этим каче-

ством не блещет, прямо скажем.

– Ну и кто же я, по-вашему?

Матвей Петрович спрятал неуместный в непринужденной беседе оценивающий взгляд себе под ноги и размеренно ответил:

– По-нашему вы, Михаил, излишне честолюбив. Это было видно по рукавам, которые вы испачкали в дороге и наспех засучили и спрятали.

Значит, не можете переносить неопрятность. В молодости я знал журналистку, которая могла оторвать подол у своей любимой длинной юбки и повязать на себе голову, если ей вдруг, к примеру, нужно было попасть незамеченной в церковь. Она могла легко отломать каблуки на своих лаковых туфельках, если они своим стуком мешали работать или обращали на себя излишнее внимание. Вы не такой. Вы – осторожный, вкрадчивый, все внимательно взвешивающий и оценивающий, не делающий поспешных выводов. Человек, работающий в чистоте и привыкший к ней, и не исключено, что в белом. Не вам говорить, что тонкое и белое носить в холод и грязь непрактично. Но привычка, брат, дело особое! – Мапет усмехнулся, покрутил в руках коробок спичек и заключительно ударил последними с шумом о стол.

– Вы, Миша, врач. И, наверно, в недалеком прошлом хороший. Наступила тишина.

– А вы, наверно, в недалеком прошлом хороший бывший оперативник, – добавил Михаил. – И бывших, как мы с вами

точно знаем, не бывает.

– Так, что случилось? – с вопросительным и острым взглядом прокатился по Михаилу Мапет. – Неудачная операция? Сварливая жена или тянущая под венец надоедливая любовница? Нужна передышка в вашей блестящей карьере? Перерыв, так сказать.

– Я психотерапевт. Двадцать лет самоотверженной работы в городской клинике сделали свое грязное дело. Перегорел. Не могу, да и не хочу больше. Всю свою молодость я вытаскивал щипцы из намертво зажатых рук маразматиков, вытирал мокрую пену у рта бившихся в припадке молодых и красивых женщин, видел десятки и сотни сломанных судеб и навсегда ушедших от нас несчастных больных. Мой знакомый узнал о моем решении уволиться и пригласил меня вести рубрику «Народного вестника», работать в ней обозревателем. Кто бы мог подумать, но очерки пишу я неплохо, и, как оказалось, мой многолетний опыт пришелся как нельзя кстати. А что до дел сердечных, так там все просто – incompatibles alien us – плохая совместимость. Ну, вы понимаете?

Мапет по-отечески заулыбался собеседнику и, с шумом затягивая горячий кипяток в рот, иронично отметил:

– «Мы хорошо понимаете», Михаил Покровский. Мой «инкомпатибилс алиенус» уже как два часа на работе, и дай-то Бог ее не достанут особо вежливые местные посетители и она в хорошем настроении вернется домой. А то я не сове-

тую попасть вам или кому-то еще под горячую ручку моей Наденьки.

Мужчины понимающе засмеялись. Обстановка стала более мягкой и располагающей к дальнейшему общению.

– Ну а здесь вы зачем? Какое дело «Народному вестнику» до нашего провинциального брата?

– Дело в том, что много времени тому назад к нам в редакцию обратилась некая Ирина Ковальчук – мать двадцатипятилетней дочери Маргариты Ковальчук – с заявлением о ее пропаже. Она просила редакцию сделать об этом обстоятельстве заметку.

Мапет не торопился с встречными вопросами и податливо кивал головой.

– Вы наверняка видели материалы этого дела или знаете, что никаких следов бедняжки, ничего, кроме последней операции по банковской карте, совершенной в тот же день исчезновения, полицией так и не было найдено.

– Так вы здесь по этому делу? Но позвольте, оно ведь закрыто! И, более того, насколько мне известно, всю работу, что можно было сделать, полиция уже сделала, и сделала на отлично!

– Да, но вы не знаете одной детали. Во вторник на этой недели, двадцатого числа, соседка Ирины Ковальчук видела пропавшую Маргариту стоявшей на остановке 52 маршрута. По ее словам, она поздно вечером и ждала автобус. И это в 150 метрах от своего дома?! Одета она была, по словам оче-

видицы, не совсем по сезону, с большой сумкой наперевес. Вам не кажется это странным?

Максим Петрович задумчиво перевел взгляд с собеседника на пол и стал неторопливо прохаживаться вдоль комнаты, со скрипом прокатывая каждый свой новый, тяжелый и прижимистый шаг по доскам старого деревянного пола. Но вот скрип половиц под ногами Мапета замер. По недоумению на его лице было видно, что рамышления зашли в тупик. Он неспешно повернулся и вдумчиво бросил:

– Этого не может быть, – заключил он.

Глава 3

– Скажите, – нарушив нависшее в недоумении молчание, добавил Мапет, – что вам удалось узнать о Маргарите Ковальчук?

– Ну, – задумчиво затянул своим баритоном Михаил, – со слов ее матери удалось установить, что Марго с детства отличалась замкнутостью и необщительностью.

– Социопатка?

– Не думаю. Скорее всего, здесь мы имеем дело с осознанной социальной дистанцией. Самоотречение ее от общества не по нужде, а по желанию. И, несмотря на скудную, так сказать, социальную активность, в ее поведении прослеживается активная и полноценная жизнь. Не исключено, что внутренний мир Марго был полон красок, чудес и даже любви. Социальная отстраненность Марго – прежде всего ее, как странно это бы ни звучало, выбор, а не вынужденное положение общепринятого изгоя, навязанное социумом.

– То есть изгоем была не она, изгоями были для нее мы?

– Все мы? Такое может быть?

– Вполне. Такие люди видят наше общество не во взрослом и ответственном ключе, а в ключе, напоминающем по развитию, к примеру, детский сад. Ну, к примеру, придя в детский сад, мы – взрослые люди – первые пару часов найдем, чем там заняться и о чем поговорить при встрече с ре-

бенком. Но спустя день, два, месяцы – мы устанем от навязанной некомфортной обстановки и, не имея выбора, будем жить дальше в собственном мире, где есть место всем тем вещам, которых мы были лишены в реальной жизни, – тишине, покою, любви или признанию. В общем, недостаток одного должен всегда где-то и чем-то компенсироваться другим. Я в этом точно уверен. Да и вспомните, как называли ее в школе? Марсианка, мне кажется?

– Вот как? Мда…

– Вы, я так понимаю, не будете отрицать, что ее поведение и реакция на некоторые вещи, мягко говоря, непонятны и ставят в тупик вопросы любой логики. И все же я спрошу вас: скажите, здесь, в малом городке, где все выросли на глазах друг у друга, и знают все на свете о соседях, их родственниках и родных, что вы думаете о Марго? Что вы о ней знали?

Мапет поднял взгляд на Покровского, с сухим шорохом почесал свою бороду, и добавил с настороженностью в голосе:

– Я думаю, только одно: все мы на самом деле ничего не знали о Марго.

Глава 4

Новый, вдруг всплывший из ниоткуда факт о Маргарите Ковальчук, словно тень из прошлого, возбудил ум Матвея Петровича и теперь не давал ему покоя. Он часами прохаживался с задумчивым видом по комнатам, что-то записывал в свой старый блокнот, перебирал старые копии дел, которыми он занимался ранее.

Звонок мобильного телефона стал кричать о своем присутствии и разрывать дребезжанием внутреннюю подкладочную ткань старого пиджака. Мапет внимательно смотрел на фотографии Маргариты Ковальчук, хранившиеся в его копии дела, поочередно перебирая и наспех чертя красными крестиками места, где последний раз видели Маргариту случайные свидетели. Нехотя прерывая свое занятие и не отрывая глаз от складывающейся в его голове схемы, Мапет автоматически снял трубку и тихо бросил в нее безразличное: «Але».

Озадаченный и с нотками отчаяния непрерывный женский голос прервал упорядоченную сосредоточенность его мыслей и заставил переключиться на себя:

– Когда?

Еду.

Уже спустя четверть часа по тихим улицам провинциального городка машина Мапета парковалась у дома, где про-

живала мать Маргариты – женщина пятидесяти пяти лет, с заметной сединой и давно некрашеными волосами.

Молодая девушка лет двадцати пяти встретила Мапета у кромки дороги и буквально выхватила его из остановившейся машины. Она сбивчивым голосом, второпях и вкратце разъясняла по ходу событий суть происходящего:

– Понимаете, она так уже шесть часов сидит. Я ничего не могу с ней поделать. После пропажи Маргариты мы вместе с мамой приглядываем по-соседски за Ириной Петровной, и я забегаю, время от времени. Ирина Петровна давно страдает беспамятством, ее сознание стало спутанным. Она говорит странные вещи, мол, кто-то ей деньги под дверь все время подбрасывает. Да она не то что меня, дочь родную вспомнить не может, но сегодня на нее что-то нашло. Может, вы отведете ее домой?

– Почему вы не вызвали скорую?

– Скорую-то? Вызвали, как раз два часа назад она и уехала. Ничего не понимаю, она уже давно спать должна. А она вон – девушка показала рукой на сидящую седую женщину. – Ну не караулить же ее постоянно в самом деле. У меня и свои дела все-таки есть.

– Мда. Что тут будешь делать?

Сняв свое теплое пальто с изношенными рукавами, Мапет наспех набросил его на тонкие плечи женщины в простом домашнем халате, которая сидела возле калитки.

– Ирина Петровна, пойдемте-ка с вами домой.

– Как же я пойду. Сейчас Маргарита придет.

Ну, вот и хорошо. А мы ее дома подождем. А пока вы мне чайку горяченького нальете, а то я замерз что-то сегодня.

– А я вот все думаю, кто мою дочку накормит? Ведь уже столько времени прошло, голодная же она. Кто ее накормит-то? Без денег ушла. Документы все дома. – Голос Ирины Петровны оборвался на месте, где должен был скатиться в плач, но остановился в молчании, включенном по усилию воли.

Несмотря на многолетнюю практику и то, что оперативник много что повидал, мысли Мапета почему-то вдруг не нашли ответа, зашли в тупик от беспомощности этой пожилой женщины.

– Ну, ну, Ирина Петровна. Пойдемте. Придет ваша Маргарита. Дождитесь меня, – бросил он вслед молодой взволнованной особе, что прервала его планомерный одиночный мозговой штурм.

Ирина Петровна послушно обмякла на плече Мапета и, без конца проговаривая свое переживание, послушно зашагала к своему дому. Через пару минут Матвей Петрович вышел из дома Ковальчук, стал промакивать носовым платком несуществующий пот на лбу и вышедшее из-под контроля напряжение.

– Расскажите мне, дорогушечка, о Марго?

У, какой вы оборотистый! – Мария резким кивком головы убрала с носа нависшую от начеса челку, чтобы иметь воз-

можность более внимательно смотреть на Матвея Петровича.

– Я – Мария, подруга и ее соседка. Я много что знаю. А что вы хотите конкретно услышать?

– Все: как жила, с кем встречалась, кто ее парень?

– Парень? – удивленно передернула плечами Маша.

По бегающим Машкиным глазам было видно, что она прокручивает в своей голове фразу, которая наиболее полно бы объяснила ее изумление.

– Понимаете, товарищ Матвей… Трович. – Маша забыла его отчество, отчего применила универсальное и ко всему подходящее свое уникальное сокращение. – Марго не была замечена в отношениях. На все вопросы, мол, что и почему, отвечала уклончиво.

Ну, я все-таки однажды докопалась до нее. Мол, говорю, что с тобой не эдак? Может, дефект какой-то есть? А она мне с усмешкой: «Если бы. Не везет. Это у нас семейное». Ну и рассказала, что ее бабушка в своей молодости вышла замуж за нелюбимого, а любимого мужчину, Ивана, предала. Ивана того сосватали за грамотную девушку-бухгалтера с двумя детьми, а бабка ее необразованная была, не полюбилась его матери. Иван тот в новой семье пожил-пожил, да вопреки строгому слову матери снова к ней метнулся. А бабушка Марго гордая была, не приняла его назад. Спустя год вышла замуж за первого, кто к ней посватался, и жить с ним стала. Да и время такое тогда было, послевоенное, непростое. Тя-

жело без мужика было жить. Всю жизнь промучилась с чужим мужиком нелюбимым и сама себя в могилу свела. Говорят, что однажды бабушка Марго на базар ехала мед продавать да по пути Ивана того и встретила. Он, говорит, мимо тогда идет да вслед ей говорит: «Что же ты, Танюшка, на чужого мужика меня поменяла. Проклятая ты теперь». А когда бабка Марго домой вернулась, то слух донесся, что, мол, Иван-то ее еще прошлой ночью преставился. Я думаю, что с тех пор носит проклятье своей бабки весь ее род.

– Вы верите во все это? Вы, взрослая и образованная женщина, в какие-то проклятья?

– Знаете что! – Маша остановилась и воткнула тугие кулачки в покатистые бока своей кожаной куртки.

– У меня бабушка в третьем поколении ведунья была. Весь город к ней ходил за помощью. Ее не то, что собаки – люди боялись. Бывает, как взглянет на прохожего, так все ему и выложит, как и зачем он живет, что от всех скрывает да чем грешен. Никто с ней не любил даже рядом стоять. Дорогу перебегали, увидав ее еще издали. О! Какая была!

– Я бы тоже дорогу перебегал. – Мапет не сдержал своего смешка.

– А я Марго говорила, проклятье бабкино на ней, а она мне не верила… Нужно было вовремя дурехе родовую карму счистить. Эх, да что теперь?! Так-то, голубчик. С тех пор все женщины в ее роду кого ни полюбят – то разлучаются. И более того, те погибают или безжалостно предают. – Маша

своим лицом приблизилась к носу Матвея Петровича и, прищурив глаза, вкрадчивым голосом продолжила: – Погибают при неопределенных обстоятельствах, да жестко так, врагу не пожелаешь.

– И что? Вы хотите сказать, что Марго ни с кем не встречалась?

– Встречалась, я же говорю, но ненадолго все это. Да она потом и сама отказалась от всего этого, надоело, говорит. Одной спокойнее будет.

Ну а как вы вот это все объясните? И сыщик протянул какие-то старые письма, свернутые треугольниками по типу полевой военной почты, потертые от частых перечитываний. Письма, где небрежным мужским броским почерком вырисовывались очень теплые признания. Маша стала перебирать их, наспех прочитывая убегающие вверх строчки, и удивленно приподняла бровь.

– Откуда это у вас?

– Это было в дневнике Марго. Мне его лично передала только что мать Маргариты. В помощь. Вы знаете этих людей?

Маша растерянно всматривалась в свернутые письма и не торопилась отвечать.

– Имена, которыми подписаны письма, мне незнакомы. Я не знаю этих людей. А кого знаю, так они так написать просто не смогут. Слишком большой опус.

– Ну вот, а говорите, что вы много что знаете. Да еще и

конкретно.

Матвей Петрович забрал письма и без ожидания ответного Машкиного слова направился к своей машине, оставив ее наедине с озадаченным и, мягко сказать, перекошенным на вид лицом.

Часть 2. Дневник «Монашки»

Глава 1

19.10.2001. (20 лет спустя)

«Моя мама сегодня была сильно на меня злая. Она громко на меня кричала и размахивала руками. Папа кричал тоже и даже толкался. Она говорит, что вечером к ней на работу пришла тетя Эля и сказала, что ее Ирка сказала, что я украла у нее какое-то кольцо. Это кольцо ей подарил Иркин папа. Моя мама долго кричала и говорила, что я ее опозорила. А я ничего про это не знаю. Все дома молчат. Никто со мной не разговаривает. Долго уже. Пусть молчат. Мне так лучше. Лучше, чем кричат. Дорогой Боженька, сделай так, чтобы все это прошло. Я хочу, чтобы все было как раньше. Дорогой Боженька, забери меня отсюда. Мне здесь не нравится. Приходи поскорей и забери меня. А еще привези мне одну шоколадку, пять шоколадных конфет и четыре, нет, пять бутылок лимонада. Желаю тебе здоровья и счастья. Марго».

В тесной, но уютной хрущевке с полосатыми обоями синего цвета три девчонки лет восьми, с тоненькими косичками, в атласных лентах разных цветов, старательно закрученных руками матери, играли у Ирки в гостях. У нее, у единственной во всем доме, был красивый аквариум, где плавали

две золотистые рыбки и на дне лежали цветные камешки.

Ирка жила с мамой и бабушкой в большой для хрущевок четырехкомнатной квартире. То ли в силу маленького роста, то ли в силу впечатлительного возраста, но Марго, которая делила одну маленькую комнату со старшей сестрой, где ровно помещались две койки-кровати и один маленький письменный стол, предназначенный для уроков, эта квартира казалась стадионом. Играть здесь было весело и интересно. Можно было прятаться в длинном коридоре за шкафом или бегать по просторным комнатам и потихоньку перебегать из комнаты в комнату, пока «вода» тебя не видит. Прятки, пятнашки, догонялки, пение в воображаемый микрофон-скакалку и игры в артисток могли до самого вечера не прекращаться и прерываться лишь досадным обеденным перерывом или ужином. Играть хотелось все снова и снова, и казалось, что сама Ирка вместе с соседкой Дашей были и сами очень рады такой удачной и озорной компании. После этого вечера, когда девчонки разошлись по домам, и произошел тот случай, когда почему-то все решили, что Марго виновата в пропаже Иркиного кольца. Буквально на следующий день пришла тетя Эля прямо к маме Марго на работу и устроила прилюдно оскорбительный самосуд, где она была и прокурором и адвокатом и судьей в одном лице, которое заключило, что кольцо у ее любимой доченьки именно украли, и именно Марго.

Вечером, когда Маргарита спокойно дожидалась родите-

лей дома, они, как по сговору, пришли на удивление поздно, вместе и в очень плохом настроении. Мать кричала и называла Марго воровкой. Выкручивала ей и без того тонкие маленькие ручки и орала во все свое горло. Отец, который по природе был немногословен, но вспыльчив, в итоге, накрутившись материной истерикой, не выдержал, подхватил Марго за плечо и бросил на стоящий платяной шкаф. Марго, не говорившая ни слова, только и могла что молчать, испуганно втягивать голову в плечи после очередного натиска взрослых. Она молчаливо продолжала ждать, когда закончится этот кошмар.

Это был страшный для Марго вечер. Вечер, в который она поняла, что ее спокойствие можно легко нарушить и для этого не обязательно делать что-то плохое. С того времени Марго замкнулась. Она ни с кем не разговаривала. Глядя на всю эту картину, старшая сестра – единственная из всей семьи проявившая сочувствие – села напротив и спокойным голосом спросила:

– Ты брала это кольцо?

– Марго молчала и сидела смирно, с втянутой на всякий случай в плечи головой, от очередной вспышки гнева или внезапного подзатыльника, стремящегося ей в голову или в плечо. Спустя некоторое время, когда она почувствовала себя в безопасности, Марго смогла сказать только одно:

– Я не помню.

– Ты брала кольцо?

– Я не помню. Я не знаю.

То ли от неожиданности, то ли от страха все смешалось в ее детской памяти. Вспомнить в подробностях и обстоятельно, как именно она провела тот день в гостях у соседки, Марго так и не смогла.

Дома с маленькой Марго еще долго потом никто не разговаривал. Ни когда Марго возвращалась со школы, ни когда уходила в нее. Школа была единственным местом, где можно было хоть ненадолго забыться от всего этого кошмара, поговорить с друзьями, учителями.

Прошел месяц. Марго, возвращаясь из школы, видела, как напротив ее дома Дашка и Ирка прощаются друг с другом у подъезда, вернувшись из школы домой. Ирка обняла Дашку и случайно пересеклась взглядом с Маргаритой. Она брезгливо приподняла верхнюю губу, не сказав Марго при этом ни слова, и с важным видом направилась восвояси.

Ирка жила на первом этаже многоквартирного дома. Марго остановилась на мгновение напротив ее окна, чтобы посмотреть, как Иринка заходит домой. На пороге ее ждала порхающая в заботе бабушка, на столе уже стояли румяные пирожки, которые дожидались определенного момента – это, видимо, был Иркин приход. Мать заботливой рукой снимала с газовой плиты пыхающий во все стороны свистящий чайник, который уже через мгновение отразил в носу Маргариты свой тонкий аромат из трав и заварки. В нем однозначно были мед и смородина. Уже через пять минут вся

семья была в сборе за круглым столом с кружками ароматного чая и пирожками с печенью, которые Марго также угадала по запаху. Маргарита опустила глаза и пошла домой. Дома никого не было, поэтому можно было побыть до вечера в тихой и безопасной обстановке, когда квартира предоставлена в полное и безграничное распоряжение. А вечером, когда все вернутся с работы, можно будет, не привлекая внимания, отсидеться у себя в комнате. А там и ночь наступит скоро. Здесь главное – быстро лечь под одеяло и уснуть. Поднимать с кровати и будить не будут. Это проверено. В выходные приходилось сложнее. Они длились, как правило, очень долго, и всегда, когда проходили, вдруг появлялось внезапное облегчение.

За приоткрытой форточкой раздавались тихие разговоры семейства, обволакиваемые ароматами яств, любви и свободы. Вдруг, будто в испуге от внезапного ветра, кружевная занавеска едва дрогнула и слегка дотронулась до края печи. Огонек бесшумно, будто тень, ярким искристым комочком подхватил в свои объятья тонкое полотно штор, подол убористой юбки застенчиво стал играть с ним. Яркие огоньки мгновенно разбежались мелкой россыпью бусин по открытому окну, дальше метнулись к потолку, обоям, и через мгновение уже зашуршали шипеньем сердитой гадюки по всей комнате.

Из-за угла донеслось:

– Что за запах? А дым откуда? Горим!

– Ты печь не выключила, дура. Перекрывай газ, ты з…

Бу-у-уф-ф-ф-ф-ф.

Мелкая крошка из стекла и щепок с жаром вперемешку, словно доносящаяся из пасти рычащей собаки, перемела улицу между стоящими друг напротив друга домами.

20.11.2001

Месяц спустя, прочитав на ночь «Отче наш», Марго наспех записывала что-то быстрыми и испачканными в чернилах от ручки тонкими пальцами:

«Ночью перед сном я спросила у Боженьки: Где сейчас т. Эля и б. Нина? Мне кажется, что они сейчас с тобой. Передай им, что я за них сегодня помолилась».

Тихий лай непоседливой собаки одобрительно подтвердил ее мысли. «Я верю, что совершенно все-все должно наладиться. Дорогой Боженька, как сейчас живет Ирка в интернате? Скажи ей, что мы за нее всем классом переживаем и ждем в гости. Спокойной ночи, Марго».

После, быстрым движением руки, щелкнула по шумному выключателю, выдающему ее не положенное по режиму вечернее бдение, и закуталась носом в пушистое одеяло. Сестра допоздна где-то гуляла, и можно было представить, что эта маленькая комнатка только ее. Утопая в перине, хрустящей от свежести, Марго по наитию долгим взглядом всматривалась в лицо Иисуса Христа, смотрящего на нее строгим, внимательным взглядом с висящей на стене иконы напро-

тив ее кровати. В темной комнате, сквозь призму ночной неустанной игры теней и сумерек, ей казалось, что лик Святого Христа меняет свои очертания, оживает под напором ее маленького пытливого взгляда и по-отечески заботливо, легко и спокойно смотрит на нее, словно в ответ.

Спустя какое-то время, незаметно для себя самой, девочка закрыла глаза под тяжестью ее усталых ресничек, и уже через одно мгновение по комнате разнеслось тихое шуршание, похожее на осенний ветер, – спокойное и тихое детское посапывание. Тоненькие детские ручки, вжавшие в бархатное одеяло все дневные переживания маленького сердца, со временем тихо ослабли и бесшумно соскользнули вниз по одеялу.

Тишина ее комнаты вместе с внимательным взглядом Облика Христа, с заботой смотрящего на это затихшее от собственной усталости дитя, хранило покой девчушки до первых лучей солнца и следующего дня, и через пять лет, когда рядом на стене повиснет любимый портрет музыканта, и через десять лет, вися по соседству с расписанием лент в институте. В лучах вечерних сумерек цвет и текстура обоев менялась, бережно прикреплялась на кнопки и безжалостно отрывала постеры модных актеров и звезд. Вешались полочки под косметику и любимые книжки. Менялись местами предметы, появлялись новые и бесследно пропадали куда-то старые изжитые вещи, но икона Христа всегда висела на своем месте – на краю дверного проема, напротив крова-

ти Марго, уже большего размера и с выцветшими от времени краями желтого цвета.

Глава 2

Михаил, посвятивший сегодняшний день изучению города, пришел домой голодный и поздно. Матвей Петрович, сидя на диване, перебирал засаленные страницы старого, когда-то выписываемого им журнала «След зверя».

– Вот, послушайте, – сказал он. – Косуля – это чуткое и грациозное животное с длинной красивой шеей, изящными ногами, заканчивающимися острыми копытцами. Задние ноги животного длиннее передних, что обуславливает движение преимущественно скачками, позволяет совершать прыжки высотой более двух метров и длиной до шести метров, завораживая своей красотой.

– Да, впечатляет, – добавил Михаил, снимая пальто и усаживаясь рядом.

– Летом косуля становится ярко-рыжей с бурым оттенком на спине, подобно рыжеволосой лесной красавице.

Мапет, не отрываясь от своего занятия, протяжно заметил:

– У вас усталый вид, много что за сегодня успели?

– А вы, оказывается, скромняга? – вопросом на вопрос ответил Покровский. – Я был сегодня в районной библиотеке, что на улице Горького, и из местных газет узнал, что в девяностых годах вы руководили волонтерским движением добровольцев. Вот здесь даже напечатали о вас очерк. – И

Михаил протянул сжатый в его руке лист снятой копии старой газеты.

Да… как же я был молод и хорош, – добавил с сожалением МаПет, – не то что сейчас. Сейчас я больше похожу на старую развалину.

– Активист, – док продолжил читать очерк из копии старой газеты, – передовой волонтер в 1989-м, руководитель поисковой экспедиции в 91-м, имеет почетную грамоту за самоотверженный труд.

– Сейчас по мне и не скажешь, верно? – Мапет улыбнулся.

– Да, я не люблю хвастаться. Я всегда хотел помочь людям, вот и работу выбрал не из спокойных, как и вы, впрочем, и везде еще умудрялся успевать – и в волонтерских отрядах, и на работе, и дома. А сейчас что с меня взять. Да и как не помочь в таком случае? Я не из равнодушных. Знаете, сейчас время такое. Люди крутятся все время вокруг своей оси: работы, семьи, денег, забот и прочего. Никому ни до кого нет дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.